

Подчиненные Дянь Минся действовали крайне быстро: не прошло и десяти минут, как все необходимые материалы были готовы.

Линь Дун взглянул на стремительно темнеющее небо за окном и глубоко вздохнул:

— Сейчас все должны выйти, остаться может только один.

— Почему? — настороженно спросил Дянь Вэй.

— Таковы правила, — непререкаемым тоном ответил Линь Дун. — Только соблюдая их, можно обеспечить безопасность.

Дянь Фан немного подумал:

— Он мой родной отец, я останусь.

Линь Дун нахмурился:

— В таком случае оставайся ты.

Он указал на Дянь Минся:

— Остальным выйти.

— Даже мне нельзя остаться? — недовольно спросил Цзинь Хай.

— Особенно тебе, — отрезал Линь Дун. — От тебя исходит слишком много янской энергии, это помешает призыву души.

Дянь Фан кивнул:

— Сделаем так, как он сказал. Мы все выйдем.

Несмотря на явное нежелание, присутствующие один за другим покинули палату. Уходя, Цзя Синлинь бросил язвительно:

— Только не вздумайте вредить человеку своими суевериями!

Линь Дун лишь мельком взглянул на него, ничего не ответив.

Когда дверь закрылась, в палате остались только Линь Дун, Дянь Фан и пребывающий в беспамятстве господин Дянь Ба.

— Что будет происходить дальше? — взволнованно спросил Дянь Фан.

Линь Дун поставил чернильницу на прикроватную тумбочку и принялся растирать киноварь в порошок, делая это ловко и уверенно.

— Мне нужно начертать талисман, чтобы вернуть душу твоего отца на место, — пояснил он в процессе работы. — Одержимость духом приводит к тому, что душа покидает тело. Сейчас его душа находится в блуждающем состоянии, её нужно призвать обратно.

— Неужели такое возможно? — Дянь Минся была настроена скептически.

— Ты предпочла бы верить словам господина Цзинь Хая о том, что это неизлечимый случай и сделать уже ничего нельзя? — парировал Линь Дун.

Дянь Фан промолчал.

Линь Дун смешал порошок киновари с золотой пудрой, добавил немного горной родниковой воды и принялся быстро рисовать на желтой бумаге. Его движения были плавными, как текущая вода, а линии — стремительными и ритмичными.

— Как называется этот талисман? — не удержалась Дянь Минся.

— Талисман Призыва Души, — голос Линь Дуна оставался спокойным, хотя руки ни на секунду не прекращали работу. — Когда я начну читать заклинание, ты должна будешь звать отца по имени, чтобы вернуть его.

Дянь Фан кивнул, нервно сглотнув.

Закончив, Линь Дун зажег красную свечу и поставил её у изголовья. Колеблющееся пламя отражалось на бледном лице господина Дянь Ба.

— Начинаем, — тихо сказал Линь Дун и поднял талисман над головой.

Он глубоко вдохнул и начал нараспев произносить странные заклинания, голос его звучал низко и ритмично. Правая рука в это время быстро чертила в воздухе сложные узоры, словно он писал что-то в пустоте.

— Папа? Папа! — Дянь Минся, следуя указаниям, позвала отца. — Папа, проснись же!

Голос Линь Дуна стал громче, талисман в его руках задрожал, хотя в комнате не было ни дуновения ветра.

Веки господина Дянь Ба внезапно дрогнули!

— Продолжай звать! — скомандовал Линь Дун, его голос был напряжен.

— Папа! Это я, Минся! — она взволнованно сжала руку отца. — Пожалуйста, возвращайся!

В этот момент за окном послышался странный свист ветра, шторы зашевелились сами собой, пламя свечи яростно заплесало, едва не погаснув.

— Плохо дело! — лицо Линь Дуна изменилось. — Что-то мешает!

Его взгляд стал острым. Он схватил свечу, которая вот-вот должна была потухнуть, а талисман в другой руке начал тихо вибрировать.

Вой ветра за окном усилился, напоминая плач призраков. Стекла начали содрогаться, словно их вдавливала внутрь невидимая гигантская рука.

Дянь Минся побледнела, крепче сжимая руку отца:

— Что происходит?

— Иньская энергия пошла в контратаку, — голос Линь Дуна стал тяжелым. — Одержимый дух сопротивляется изгнанию. Господин Дянь Ба слишком долго пробыл под той старой софорой, и темная энергия глубоко проникла в его тело, она не хочет так просто отпускать жертву.

Господин Дянь Ба на кровати внезапно забился в судорогах, издавая странные хрипы, а мониторы у изголовья зашли в бешеном сигнале тревоги.

— Папа! — Дянь Минся запаниковала и потянулась к кнопке вызова врача.

— Не двигайся! — рявкнул Линь Дун. — Любой, кто войдет сюда, прервет ритуал, и твой отец навсегда застрянет между миром живых и мертвых!

Рука Дянь Минся застыла в воздухе, в глазах читались ужас и беспомощность.

— Поверь мне, — голос Линь Дуна внезапно смягчился. — Я справлюсь.

С этими словами он взмахнул правой рукой, и на желтой бумаге вспыхнуло синеватое пламя. Бумага не обугливалась, но на ней проступили странные письмена, засиявшие золотым светом.

Линь Дун зачастил заклинание, прижал указательный палец правой руки к горящему талисману, а затем стремительно коснулся лба господина Дянь Ба.

Раздался глухой хлопок. Господин Дянь Ба резко дернулся, приподнявшись на кровати, а затем тяжело рухнул обратно. Ветер за окном мгновенно стих, в комнате воцарилась тишина.

Дянь Минся с ужасом посмотрела на Линь Дуна:

— Мой отец...

Линь Дун внимательно осмотрел господина Дянь Ба, в его глазах мелькнул зеленоватый отблеск, после чего он с облегчением выдохнул:

— Все в порядке. Душа вернулась на место, большая часть темной энергии рассеялась.

— Но почему он до сих пор не проснулся? — осторожно спросила Дянь Минся.

— Тело сильно ослаблено, ему нужно восстановление, — Линь Дун взял порошок агарового дерева и посыпал его на свечу. Пламя резко взметнулось вверх, распространяя тонкий аромат. — Теперь мне нужно провести несколько сеансов прижигания, чтобы сбалансировать инь и ян. Через три дня он придет в себя.

В глазах Дянь Минся вспыхнула надежда:

— Правда?

Линь Дун кивнул и уже собирался добавить что-то еще, как вдруг в кармане завибрировал телефон.

Он почувствовал неладное: ему почти никто не звонил в это время. Кто бы это мог быть?

Достав аппарат, он увидел на экране имя Сяо Сяо!

— Мне нужно ответить, — Линь Дун нахмурился, глядя на экран. — Следи за ним, никого не впускай.

Дянь Минся поспешно кивнула, глядя на него с благоговением.

Линь Дун отошел в угол палаты и принял вызов. Не успел он произнести ни слова, как из трубки донесся испуганный крик Сяо Сяо.

— Линь Дун! Помоги... что-то здесь... этот черный силуэт... — голос Сяо Сяо прерывался, она явно была охвачена ужасом.

— Что случилось? — Линь Дун мгновенно напрягся, его голос стал низким.

— Талисман, который ты дал... он светится... этот силуэт... — Сяо Сяо тяжело дышала. — Только что привезли посылку... внутри была кроваво-красная ночная сорочка... а потом появился этот силуэт... если бы не твой талисман...

— Не двигайся! — голос Линь Дуна резко взлетел. — Я сейчас приеду! Слушай меня: насыпь соли у дверей и окон, включи везде свет и не подходи к окнам или зеркалам!

Повесив трубку, Линь Дун обернулся к Дянь Минся, нахмутив брови.

Ситуация с господином Дянь Ба была в целом улажена, но у Сяо Сяо случилось нечто критическое. Он был нужен в обоих местах, но не мог разорваться.

В этот момент в дверь постучали.

— Минся? Как там внутри? — это был голос Дянь Фана.

Дянь Минся посмотрела на Линь Дуна, не зная, что ответить.

Линь Дун быстро подошел к двери и приоткрыл её. За порогом стояли Дянь Фан, Дянь Вэй и Цзинь Хай, на их лицах читались тревога и недоумение.

— Состояние стабилизировалось, — коротко сказал Линь Дун. — Но мне нужно срочно уйти. Большая часть темной энергии из господина Дянь Ба вышла, но нужно продолжить лечение. Я подготовил лекарственные составы, их нужно сжигать каждые четыре часа.

С этими словами он достал из кармана несколько свертков и передал их Дянь Фану.

Тот принял их и хотел было о чем-то спросить, но Линь Дун уже протиснулся мимо них.

— Я приду завтра. Не волнуйтесь, через двенадцать часов он придет в себя, — бросил Линь Дун, быстро направляясь к лифту и оставляя троицу в полном замешательстве.